

Опыт исследования
о культурном значении
Византии в русской истории

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
О-62

О-62 Опыт исследования: о культурном значении Византии в русской истории / –
М.: Книга по Требованию, 2016. – 577 с.

ISBN 978-5-518-10082-4

ISBN 978-5-518-10082-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ществу, и только отдѣльные умы, создавая новое, разрывали застѣны связи съ школою, изъ которой они вышли.

Узкій объемъ школьнаго обученія древней Россіи; безусловное довѣріе къ книгѣ, при недостаткѣ научной критики; наконецъ смѣшеніе древнихъ языческихъ представленій съ новыми христіанскими, переработанными народнымъ понятіемъ въ своеобразную форму, при общемъ недостаткѣ научныхъ знаній, произвели ту особенную культуру, которая такъ отличаетъ нашъ древній бытъ отъ другаго. Продолжительность же этого періода закрѣпила старыя понятія въ обществѣ такъ сильно, что долго самый выходъ изъ такого состоянія казался немислимымъ: отсюда возникаетъ та упорная борьба въ понятіяхъ, которая особенно характеризуетъ XVII вѣкъ, и наконецъ «насильственный» переворотъ начала XVIII вѣка.

Въ строгомъ смыслѣ слова, до XVII вѣка у насъ не было науки; наша литературная дѣятельность до того времени вѣрно характеризуется названіемъ *книжность*. Она стояла въ самомъ тѣсномъ отношеніи къ религіи и была ея результатомъ; книжность должна была удовлетворять только религіознымъ потребностямъ. Это подтверждаютъ характеръ школы, содержаніе книгъ и общій уровень знаній.

Училища въ Россіи начинаются вмѣстѣ съ христіанствомъ. Владиміръ Св. велѣлъ брать дѣтей у лучшихъ гражданъ и отдавать на ученіе книжнос¹⁾. Забѣлинь справедливо полагаетъ, что назначеніе послѣдняго состояло въ приготовленіи ихъ—быть наставниками и служителями новой вѣры²⁾. Этимъ объясняется и свидѣтельство лѣтописца, что матери оплакивали чадъ своихъ, какъ мертвецовъ, потому что не утвердились еще въ вѣрѣ³⁾. Плачъ этотъ не былъ просто результатомъ отбиранія дѣтей въ школу; но въ своихъ дѣтахъ матери-язычницы видѣли будущихъ проповѣдниковъ новой вѣры; а извѣстно, что женщина не такъ скоро расстаётся съ предаіемъ и прежнимъ положеніемъ; домашній очагъ слишкомъ привязываетъ ее къ старинѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ мы встрѣчаемъ нѣсколько извѣстій объ училищахъ въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи, въ разныхъ мѣстахъ: Ярославъ I, прійдя въ Новгородъ, основать тамъ (1030 г.) училище на 300 дѣтей,

¹⁾ Полн. собр. рус. лѣт. I, 51.

²⁾ Домаш. бытъ русск. царей, Отеч. запис. 1854. № XII, 87.

³⁾ Полн. собр. рус. лѣт. I, 51.

вѣдѣхъ у духовныхъ лицъ и старость новгородскихъ ¹⁾; Романъ Рости-славичъ завелъ училища въ Смоленской области; В. К. Всеслодъ Ярославичъ давалъ прощанія на училища; а его дочь Янка основала училище при кievскомъ Андреевскомъ монастырѣ. Кроме того, упоминаются училища въ Курскѣ, во Владимірѣ-Волынскомъ, въ Галицкой области, заведенныя при монастыряхъ королемъ Галицкимъ Ярославомъ Владиміровичемъ. Позже встрѣчаются еще въ Черни, В. Новгородѣ и Москвѣ ²⁾).

Но въ развитіи научныхъ понятій важно не столько количество школъ, сколько ихъ характеръ, объемъ обученія и направленіе школы; въ особенности въ то время, когда только полагается основаніе образованности и устанавливается ея назначеніе въ жизни. А въ этомъ отношеніи русская школа до XVII в. неизмѣнно сохраняетъ одинъ и тотъ же характеръ, впрочемъ не развиваясь съ теченіемъ времени; напротивъ, въ свѣдѣтельствахъ XV, XVI и начала XVII в. мы имѣемъ доказательства ея упадка. Характеръ нашей древней школы и грамотности — церковнослужебный: обученіе начиналось *букваремъ*, за которымъ слѣдовалъ часословъ и наконецъ псалтирь — вънедъ древняго словеснаго ученія и полнаго курса первоначальной науки ³⁾. Знаніе этихъ книгъ было наиболее необходимо въ церковномъ обществѣ; и потому старались, чтобы онѣ были усвоены цѣлкомъ: такимъ образомъ заучиваніе наизусть сдѣлалось главною цѣлью въ школьномъ преподаваніи ⁴⁾. Изъ школы и отъ духовныхъ наставниковъ уваженіе къ псалтири перешло въ жизнь: такъ были особенныя дорожныя псалтири; на псалтири гадали о своей судьбѣ; многія стихи изъ нея перешли въ пословицы, а псалмы послужили образцомъ для духовныхъ стиховъ. Иностранцы замѣтили, что русскіе особенно уважаютъ псалмы Давида, и дѣйствительно рукописныхъ и печатныхъ изданій псалтири до насъ дошло болѣе всѣхъ другихъ духовныхъ книгъ ⁵⁾. Если иногда кругъ этого ученія расширился, то все-таки въ предѣлахъ церковныхъ и

¹⁾ Полн. собр. рус. лѣт. V, 136.

²⁾ Тихищевъ, III, 239, II, 138, 144, 101, 280. Житіе Феодосія, Учен. зап. Ак. наукъ по II отдѣл. II, Стоглавъ, гл. 25; Соловьевъ IV, 272.

³⁾ Забѣлинь, Отеч. записки, 1854, № XII, 88.

⁴⁾ Забѣлинь, 97, 98.

⁵⁾ Нравст. Собесѣд. 1857 кн. IV. Снегиревъ: Русскія народныя пословицы и притчи. Маржереть. 260.

богослужбныхъ книгъ. О состояніи обученія въ древнихъ школахъ мы имѣемъ безпристрастное сужденіе изъ начала XVIII вѣка, когда старались создать новую школу. «*Издревле, говорится тамъ, русскими дѣтководцамъ и учителямъ обычай былъ и есть учить малыхъ дѣтей въ началѣ— азбуку, потомъ часословцу и псалтири, а также писать; потомъ некоторые преподають и чтеніе апостола. Возрастающихъ же препровождаютъ къ чтенію библіи, бесѣдъ евангельскихъ и апостольскихъ, и къ разсужденію высокаго разумѣнія, заключающагося въ тѣхъ книгахъ». Стоглавъ (XVI в.), говори о бывшихъ училищахъ по городамъ, выражается вообще, что въ нихъ учили грамотѣ: читать, писать и пѣть¹⁾. Самый методъ ученія состоялъ обыкновенно въ томъ, что учениковъ заставляли читать вслухъ и параситѣвъ, какъ сѣдовало читать во время церковной службы, а это омытъ свидѣтельствуеть, что цѣлью внижнаго ученія было только приготовленіе церковнослужителей. На этотъ случай составлялись даже особыя правила какъ пѣть и читать священныя книги²⁾, которыя помѣщались при самыхъ книгахъ. Конечно въ такомъ ученіи было много механическаго труда и мало сознательной работы. «Старинная грамота, говоритъ Забѣлинъ, являлась дѣтямъ не спусходительною и любящею янско, какъ теперь, въ возможной простотѣ и доступности, съ полнымъ вниманіемъ къ дѣтскимъ силамъ, а являлась она сухимъ и суровымъ дидаскаломъ, съ книгою и указкою въ одной рукѣ и съ розгой въ другой». Этотъ способъ обученія пережилъ свой вѣкъ³⁾ и долго сохранялся въ той средѣ педагоговъ, которые по преимуществу были руководителями воспитанія древней Руси⁴⁾.*

¹⁾ Забѣлинъ, Характеръ древняго народнаго образованія въ Россіи. Отеч. записки 1856 г. № III—IV, стр. 12. Стоглавъ, глава 25.

²⁾ Достопамятности Москвы, изд. Тромонинимъ. Москва 1845. 16. Описаніе рукоп. Синод. библ. I, № 3, 48, 56, 53. Царь Алексѣй Михайловичъ на восьмомъ году началъ учить октоихъ или осмогласникъ, заключающей въ себѣ всеневныя церковныя службы, а на десятомъ году *страстное пѣнне*, т. е. пѣсни страстной седмицы. Въ дворцовой казѣ находились между прочимъ стихиры и тріоди *знаменныя*, т. е. псанныя *подъ знамя* или съ крюковыми нотами. Отеч. записк. 1854, № XII, 105 и прилож. V.

³⁾ Забѣлинъ, Доманинъ. бытъ русск. царей. Отеч. зам. 1851, № XII, 98.

⁴⁾ «Памятно мнѣ, говоритъ Даниловъ (XVIII в.), мое ученіе у будастаго (пономаря) и до сихъ поръ, цо той можетъ быть причинѣ,

Такой объем школьного образования сохранился до заведения училищ въ XVII в. и потомъ остался достояніемъ низшихъ школъ до Петра В. Дѣти знаменитаго боярина обучались точно такъ же и по тѣмъ же книгамъ, какъ и дѣти простолюдина. Начитанность того времени была дѣломъ чисто личнымъ. Даже и въ царскомъ быту объ- емъ обученія отличался только количествомъ читанныхъ книгъ, а не качествомъ преподаванія. Въ народномъ быту школьное ученіе оканчи- валось псалтиремъ, а во дворцѣ послѣ псалтири учили дѣянія апосто- ловъ и евангеліе; при чемъ главнымъ образомъ старались, чтобы учи- тель былъ *кроткій, смиренный и вѣдущій божественное писаніе* ¹⁾.

Что же касается до судебной части, говоритъ Забѣлинъ, и до кня- жескихъ канцелярій, то здѣсь даже и старинная книжность не всегда процвѣтала: ее вполнѣ замѣняла практика, *навыкъ*, тотъ *навыкъ*, ко- торый существовать и въ торговомъ дѣлѣ, и въ ремесленномъ, и въ земледѣльческомъ, и во всѣхъ другихъ *художествахъ*. Это образова- ность приказная, *навыкъ* вести дѣю, составить бумаги по существо- вавшимъ образцамъ, подписывать указы, статьи судебныхниковъ или уло- женія. Это образованность дѣловыхъ бумагъ, гдѣ всѣ науки, необ- ходимыя въ обществѣ, заключались въ массѣ практическихъ знаній о состояніи, средствахъ, силахъ страны, тѣхъ знаній, которыхъ нельзя было не знать, заглядывая тою или другою частью управленія; тѣмъ или другимъ приказомъ; тою или другою областью, вообще знаній, которыя пріобрѣтались постоянною практикою, а не научно, не изъ школы. Весьма естественно, что въ этомъ разрядѣ лицъ чаще, нежели въ дру-

что часто меня свѣкли лозою: я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣтность или упрямство, а учился я по своимъ лѣтамъ прилежно и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безвыходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ такового всегдаш- няго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна и все, что выучилъ прежде наизусть, при ступленіи урока, ввечеру и половины прочитать не могъ, за что послѣдняя резолюція—меня, какъ непонятнаго, съѣхъ. Я думаю тогда, что необходимо при ученіи тер- пѣть надлежитъ наказаніе. Записки артиллеріи майора Данилова, написанныя въ 1771 г. М. 1842. 38.

¹⁾ Записки Крекишна, стр. 19.

гихъ, могли являться люди съ большимъ государственнымъ смысломъ, каковы напримѣръ были думные дяки и нѣкоторые изъ бояръ и другихъ сановниковъ.¹⁾ Мы потому сослались здѣсь на авторитетъ Забѣлина, что онъ представляется въ нашей исторической критикѣ защитникомъ строгой *документальности*²⁾, и стоитъ въ этомъ отношеніи вполне на реальной почвѣ, не увлекаясь личными соображеніями въ объясненіи фактовъ и личными фантазіями³⁾.

Правописаніе древнихъ рукописей показываетъ, что не было даже основательнаго грамматическаго знанія. «Разбиралъ строго, говоритъ Забѣлинъ, нѣтъ ни одного памятника изъ древней нашей письменности, который былъ-бы писанъ грамматически правильно, съ строгимъ соблюденіемъ отъ начала до конца принятой орфографіи, вѣрно, отчетливо. Многіе изъ нихъ писаны даже изацпо; но нѣрѣдко въ одномъ и томъ же словѣ принята орфографія вовсе не соблюдалась. Здѣсь все заключалось въ большей или меньшей добросовѣстности переписчика, въ большемъ или меньшемъ *рабочьимъ переводѣ* подлинника. Буквальный копистъ часто оказывался лучше мудреца, передѣлывавшаго по-своему, и чѣмъ дальше уходило время, тѣмъ болѣе водворялось своеволие писцовъ»⁴⁾.

Свѣтская мудрость не забрѣдывалась въ древнерусскую школу. Азбука у тогдашнихъ грамотниковъ называется лѣтвицею въ изученію часовника, псалтири и божественныхъ догматовъ⁵⁾; а грамматика назначалась для того, чтобы знать «какъ писать и читать каждую пословницу во святыхъ книгахъ»⁶⁾. Знатоки вѣнъ представлялись современникамъ «великими философами» и «учительными людьми»; но тутъ же вся эта мудрость сводится только на знаніе священнаго писанія или церковныхъ книгъ. Въ этомъ заключалась «вся грамота», по понятіямъ даже начитанныхъ княжичевъ, а выраженіе *книга* означало

¹⁾ Забѣлинъ, Отеч. записки, 1854, № VII, 91, 98. Отеч. зап. 1856, III—IV, 18.

²⁾ Характеръ древняго народнаго образованія въ Россіи, Забѣлина, Отеч. записки, 1856, № III—IV, 19.

³⁾ Забѣлинъ, Размышленія о современ. задачахъ рус. исторіи и древности. Отеч. зап. 1860, № XI. 95—143.

⁴⁾ Забѣлинъ, Отеч. зап., 1856, III—IV, 13, 14.

⁵⁾ Ibid. Отеч. запис. 1854, XII, 95.

⁶⁾ Опис. Рум. музея. 1.

вообще только священную книгу ¹⁾. Знаніе такой мудрости ведетъ непосредственно къ спасенію души, очищенію грѣховъ и благамъ будущей жизни ²⁾.

При такомъ характерѣ книжности, удовлетворяющемъ исключительно церковнымъ потребностямъ, образовалось въ скоромъ времени мнѣніе, что занятіе книгами дѣло не простаго гражданина, а только церковника. Въ XII вѣкѣ говорили: «мы имѣемъ женъ и кормимъ дѣтей», «мы служимъ князю и содержимъ власть», «мы занимаемся ремесломъ», прибавляя при этомъ: «не наше дѣло заниматься чтеніемъ книгъ, а *чермесское*» ³⁾. А въ XIII в. многіе не считали нужнымъ заниматься изученіемъ и св. писанія ⁴⁾; потому что для спасенія души можно было обойтись однимъ *слушаніемъ* книгъ, для котораго даже были особія правила ⁵⁾. Въ дѣйствительности, мы имѣемъ нѣсколько примѣровъ, что лица высокопоставленныя были малограмотны или не знали совсѣмъ грамоты. Такъ Дмитрій Донской не былъ хорошо наученъ книгамъ, Василій Темный былъ неграмотенъ ⁶⁾. Въ XVI вѣкѣ встрѣчаются записи и грамоты, въ которыхъ сказано, что князья и дѣти боярскіе не приложили къ нимъ рукъ своихъ, потому что «не уміють грамотъ» ⁷⁾. Грамота была нзведена на степень ремесла, необходимаго для отправленія церковной службы—и только.

Пока релігіозная потребность была не велика, то недостатка въ книжныхъ людяхъ не было замѣтно; но съ распространеніемъ христіанства она возрастала: въ Новгородѣ до 1229 г. было построено 69 церквей, а между 1229—1462 г. не менѣе 150 ⁸⁾. Въ началѣ XVII вѣка въ Москвѣ было—по городамъ и селамъ 1½ тысячи церквей и при нихъ 18 тысячъ клира; да кромѣ того у богатыхъ бояръ вошелъ обы-

¹⁾ Патерикъ, листъ 194. Полн. собр. рус. лѣт. I, 65, 66, 79, 188, 190. II, 218. Татищевъ, IV, 70. Никоновскал, IV, 111. Шевыревъ, III, 35.

²⁾ Полн. собр. рус. лѣтоп. 65—66. Опис. рукоп. Рум. муз. 231. Опис. рукоп. Синод. библ. II, 623. Правосл. собес. 1858, іюнь, 157, 177, 179; 1862 г. февраль, 135, 140, 151.

³⁾ Рукоп. графа Уварова, II, вынускъ I, стр. 71.

⁴⁾ Обзоръ духов. литер. Филарета, 57.

⁵⁾ Правосл. собес. 1853, іюль. 174, 157.

⁶⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, IV, 349.

⁷⁾ Собр. госуд. грамотъ, I, № 184, 556.

⁸⁾ Соловьевъ, III, 84, IV, 231.

чай имѣть у себя домовыя церкви, за служеніе въ которыхъ поппы получали по договору деньгами и натурою ¹⁾). Такимъ образомъ потребность въ церковнослужителяхъ должна была усилить съ одной стороны поступленіе въ клиръ, съ другой—подготовленіе къ церковнымъ обязанностямъ. Но если одни поступали въ клиръ по влеченію, то гораздо болѣе шло въ церковнослужители, желая избавиться отъ гражданскихъ повинностей; такъ какъ большая часть поступающихъ состояла изъ людей простаго званія или крестьянскаго сословія. *»Церквей много поставлено, говоритъ лѣтописецъ во второй половинѣ XV вѣка, и ескій, не желая заниматься рукодѣльемъ, идетъ изъ поны, и изъ того живеть»* ²⁾). Очевидно, что ремесленный взглядъ на свои обязанности вносить такой же взглядъ и въ подготовку къ этимъ обязанностямъ, т. е. въ обученіе. Добиваясь священства, эти лица заботились не о разумномъ знаніи грамотности, а только о выполненіи, и то съ грѣхомъ пополамъ, церковнаго круга, лишь-бы достигнуть цѣли. Въ слѣдствіе такой нужды явился особый родъ грамотниковъ, которые въ свою очередь *кормились* этимъ выгоднымъ промысломъ, тоже не забывая объ осмысленіи своей работы. Это были уже *мастера*. Такое печальное состояніе учебнаго дѣла лучше всего видно изъ грамоты Геннадія, архіепископа новгородскаго, къ митрополиту Симону: *»Вотъ, нишетъ онъ, приводятъ ко мнѣ мужика; я приказываю ему читать апостолъ, а онъ и ступитъ не умѣетъ, приказываю дать ему псалтирь, а онъ и по той едва бредетъ (слѣдовательно псалтирь считалась важнѣе). Я отказываю ему, и на меня жалобы: земля, господине, такова, не можемъ добыть чтобы умѣлъ грамоты. Вотъ и обругалъ всю землю, будто вѣтъ человѣка на землѣ, кого бы ставить въ священство. Бьютъ мнѣ челомъ: пожалуй, господине, вели учить. Приказываю учить эктенію, а онъ и къ слову пристать не можетъ; ты говоришь ему то, а онъ другое. Приказываю учить азбуку, и они, не много поучившись азбуку, просятъ прочь, не хотятъ учить ея. А у меня духа не достаетъ ставить неучей въ священники. Мужики неважно учатъ ребятъ грамоты и только портятъ; а между тѣмъ за ученіе вечерни принеси мастеру кашу да гривну денегъ, за утреню тоже или и больше; за часы особо... А отойдетъ отъ мастера—и ничего не умѣетъ—едва, едва бредетъ по*

1) Котошихинъ, о Россіи, гл. VI, XIII.

2) Полян. соб. рус. лѣтоп. VI, 186,

книгъ; и церковнаго порядка вовсе не знаетъ¹⁾. При этомъ Геннадій хлопоталъ о заведеніи училищъ: очевидно, что ихъ уже не существовало, потому что онъ предлагалъ такой же кругъ ученія, какой былъ въ древнемъ періодѣ²⁾. Съ тѣхъ поръ, какъ грамотность низшла до простаго ремесла, пригоднаго на извѣстный случай, а мастера захватили въ свои руки этотъ выгодный промыселъ, училища, лишенные постоянныхъ средствъ и поддержки общества, неминуемо должны были пасть. А насколько въ тогдашнемъ обществѣ не доставало болѣе нравственныхъ стремленій — доказывается весьма выдающимся фактомъ изъ второй половины XV вѣка. Когда митр. Θεодосій вздумалъ собирать въ Москвѣ еженедѣльно духовенство для поученія и наставленій, то въ средѣ его поднялся такой ропотъ, что Θεодосій принужденъ былъ оставить митрополию³⁾.

Но, какъ видно, и вверху скромныя требованія Геннадія не произвели надлежащаго впечатлѣнія, потому что въ половинѣ XVI вѣка, на стоглавомъ соборѣ, было заявлено: когда епископы спрашивали ставленниковъ: «почему они мало умѣютъ грамотъ?» то они отвѣчали: «мы учимся у своихъ *отцовъ* и *мастеровъ*, и учиться болѣе намъ *неидъ*; сколько отцы наши и мастера умѣютъ, на столько и насъ учать»; «а отцы ихъ, замѣчали члены стоглаваго собора, потому такъ мало умѣютъ и силы божественнаго писанія не знаютъ, что *учиться имъ неидъ*»⁴⁾. Къ какому же результату пришли члены стоглаваго собора? На соборѣ было постановлено завести по городамъ училища, въ домахъ священниковъ и діаконовъ; «которые учили-бы своихъ учениковъ, грамотѣ: *читать, писать и пѣть*, а также *псалтири, напойному чтенію и канонарханію по церковному чину*; чтобы они, прийдя въ возрастъ, могли быть достойными священническаго чина»⁵⁾. Слѣдовательно учебный идеалъ и въ половинѣ XVI вѣка оставался тотъ же самый, какъ и въ X. Между тѣмъ, въ это время западная Европа переживала

1) Актъ Историч. I, № 105.

2) «Совѣтъ мой, писалъ Геннадій, такой: сперва пусть будетъ истолкована азбука съ гранами, потомъ подтительная; за тѣмъ выучить твердо *псалтирь съ возмѣдованіемъ*; тогда можетъ канонархатъ и читать всякую книгу». Ibid.

3) Полн. собр. рус. лѣт. VI, 186.

4) Стоглавъ, гл. 25.

5) Ibid. гл. 26.

уже эпоху возрожденія и вступила въ борьбу съ схоластикою. Но такъ какъ взглядъ на учебное дѣло у насъ оставался тотъ же, то и результаты новыхъ распоряженій, не осмысленныхъ болѣе живою цѣлью и предоставленныхъ доброй волѣ духовныхъ отцовъ, не могли быть лучше прежнихъ. Правда, Одерборнъ говоритъ, что «въ школахъ при храмахъ учать дѣтен первымъ началамъ»; (при чемъ выражается: *»латинскими вѣтъ«*); но едвали это извѣстіе имѣеть обширное значеніе, не говоря уже о крайне-незначительномъ преподаваніи; потому что одновременно съ нимъ Кобенцель, самъ бывший въ Москвѣ (1576 г.), замѣчаетъ: «Во всей Московіи вѣтъ школъ и другихъ способовъ къ изученію наукъ, кромѣ того, что учатся *въ обителяхъ*, а потому изъ тысячи едвали одинъ найдется, ктобы умѣлъ читать или писать» ¹⁾. Это извѣстіе подтверждается и свидѣтельствомъ Маржерета (около 1600 г.), который, говоря, что въ его время «одни священники наставляли юношество чтенію и письму», прибавляетъ: «чѣмъ впрочемъ немногіе занимаются» ²⁾.

Между тѣмъ какъ школа въ древней Россіи на первыхъ порахъ утратила образовательное значеніе, такое значеніе приобрѣло другое учрежденіе—*монастырь*. Но, для правильной оцѣнки его вліянія, мы должны прежде прослѣдить характеръ новыхъ идей, выработанныхъ въ византійскомъ обществѣ и которыя были перенесены на русскую почву помимо узкой сферы древней школы.

«Съ періода новой академіи, говоритъ Дрэнеръ, паденіе греческой философіи было непрерывно. Изобрѣтающій геній уже не существовалъ; мѣсто его заступилъ комментаторъ. Не тревожась изслѣдованіями объ абсолютной истинѣ, философы ищутъ поддержки въ воззрѣніяхъ прежнихъ временъ, и дѣйствительныя или воображаемыя мнѣнія Платона, Аристотеля принимаютъ за критеріумъ. Въ этомъ періодѣ старости философіи люди начинаютъ поступать такъ, какъ будто въ человѣческомъ племени никогда не существовало ни самостоятельныхъ изслѣдованій, ни открытій, и какъ будто вся истина, которою обладаютъ люди, была не произведеніемъ мысли, а остаткомъ прежняго откровенія небесъ откровенія теперь совершенно забытаго, вслѣдствіе грѣховности и паденія человѣка. Есть нѣчто весьма грустное въ этомъ совершенномъ прекращеніи изслѣдованія. Умственный толчокъ, кото-

¹⁾ De legat. ad Moscov. ed. Starcziewscy. pag. 15, 39, 40.

²⁾ Записки Маржерета, 260.

рый обѣщать продолжительное существованіе, при содѣйствіи, сообщенной ему столькими вѣками, силы, казалось, вдругъ совершенно истощился. Политика первыхъ цесарей много способствовала такому быстрому наступленію застою. Принципъ свободы мысли, признанія котораго необходимо требовало существованіе различныхъ философскихъ школъ—этотъ принципъ былъ слишкомъ способенъ заявить себя въ стремленіи къ политической свободѣ. Въ то время, какъ императоры лишали школы Греціи, Александріи и Рима того первенства, на которое онѣ претендовали, и черезъ это относительно возвысились провинціальныя школы, какъ напримѣръ въ Марселѣ, Родосѣ, первыя безъ шума и частнымъ путемъ начали то соперничество, которое было предметомъ великой теологической распри, происшедшей между ними въ послѣдующіе вѣка за политическую власть* 1).

Общее направленіе философіи этого періода, имѣвшего громадное вліяніе на послѣдующее развитіе мысли въ Греціи, представляетъ тѣсную связь философскихъ понятій съ религіознымъ міросозерцаніемъ востока. Еврей Филонъ, жившій во время императора Калигулы, основывалъ философію и всякое полезное знаніе на преданіяхъ о монсеевыхъ временахъ и аллегорически объяснялъ священное писаніе. По его мнѣнію физическія изслѣдованія приносятъ очень мало пользы, а потому человѣкъ долженъ надѣяться только на безгрѣшную жизнь и пламенную вѣру. Онъ выдавалъ себя за боговдохновеннаго. Міръ представляется ему главнымъ ангеломъ и первымъ сыномъ Бога; всѣ силы божества соединяются въ одну—«логосъ» или св. слово; а высшими проявленіями божества называются—творческая мудрость и правящее милосердіе. Но такъ какъ съ понятіями о Богѣ несогласно происхожденіе зла, то Филонъ выводилъ его отъ этихъ силъ, принимая теорію эманации. Но Филонъ былъ слишкомъ отвлеченъ для простаго пониманія. Аполлоній Тиавскій стоялъ ближе къ жизни. Онъ способствовалъ популярному распространенію оріентализма. Онъ выдавалъ себя за пророка и чудотворца; велъ жизнь аскета въ полномъ смыслѣ слова; стремился преобразовать религіозные обряды и нравственность общества; отрицалъ дѣйствительность жертвоприношеній и замѣнялъ ихъ простымъ поклоненіемъ и чистою молитвою. Очищая такимъ образомъ религію отъ испорченности вѣшнихъ формъ, Аполлоній падалъ и на полутьму,

1) Дрэнперъ, Исторія интеллектуальнаго развитія Европы. I. 179.